

Александр Тебеньков
Ходовые испытания

НФ рассказы и повести

Александр Федорович Тебеньков

Ходовые испытания

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17189721
ISBN 9785447444983*

Аннотация

Большинство НФ рассказов, представленных в данном сборнике, объединяет традиционная и неисчерпаемая тема – встреча с внеземным разумом и ее последствия. Этому же посвящена и повесть, давшая ему название. Рассказ «Обратный ход эволюции» – легкая шутка, в повести «Долгая дорога домой» ставится проблема личного бессмертия индивидуума.

Содержание

Научно-фантастические	5
Шестьдесят Первая Лебедя	5
Обратный ход эволюции	22
Контакта не будет	37
Я вернусь	43
Всего одна таблетка	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ходовые испытания
НФ рассказы и повести
Александр
Федорович Тебеньков

© Александр Федорович Тебеньков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Научно-фантастические рассказы и повести

Шестьдесят Первая Лебедя

– Вы никогда не обращали внимания вон на ту звездочку? – этот вопрос я задаю самым небрежным тоном, на который способен. И даже отворачиваюсь к телескопу, демонстрируя тем самым свое полное равнодушие к ответу.

Но боюсь, делаю это так неловко, что моя нарочитая небрежность бросается в глаза каждому. Всякий раз, распрошавшись с очередным посетителем, я убеждаю себя прекратить бессмысленное притворство, вести себя естественней, ведь тот, кого я жду, мгновенно разоблачит мои наивные приемы доморощенного сыщика, и я его все равно не узнаю, если он сам не захочет раскрыться, а остальным же мое поведение покажется, мягко говоря, просто глупым издевательством зарвавшегося звездочета над бедными посетителями. Найдутся, еще и жалобу напишут. Всякий раз я говорю себе: плюнь, забудь, не бреди душу, другой такой случай не повторится. И все же...

– Вы никогда не обращали внимание вон на ту звездочку?.. Какую? А вот эту! Видите, почти прямо над нами

пять ярких звезд образуют нечто вроде креста? Не видите? Странно. Присмотритесь внимательней: вот звезда, вот, вот и вот... Отлично! Это созвездие Лебедя – голова, крылья, хвост... Что?.. Да, созвездие Рака действительно есть, а что касается Шуки... Ну что ж, значит, упущение астрономов, видимо, дедушку Крылова они не читали. Но вы посмотрите сюда – под крылом Лебедя есть маленькая слабая звездочка. Именно о ней я вас и спрашивал. Жаль, очень жаль, что не замечали... Нет, ничего особо примечательного на первый взгляд в ней действительно нет. Просто вокруг нее вращаются такие же планеты, как наша Земля. И там живут разумные существа, очень похожие на нас с вами. Меня интересует, как они называют эту свою звезду, свое солнце. Вы, случайно, не в курсе?.. Что?.. Да, время уже позднее. До свидания, всего хорошего. Приходите еще... Осторожней, там лестница, сейчас я зажгу свет. Всего хорошего.

Ну вот, опять не он. И снова ожидание.

– Вы никогда не обращали внимания вон на ту звездочку?.. Это созвездие Лебедя... Очень жаль... Вы, случайно, не в курсе?.. Сейчас я зажгу свет... Всего хорошего!..

И опять не он.

– Вы никогда не обращали внимания...

Снова не тот.

– Вы никогда не...

В летнее время в обсерватории много посетителей. После

дневного зноя, когда асфальт плавает под ногами, а от сухого жара и духоты не скрыться ни в тени, ни в закупоренных наглухо квартирах с занавешенными окнами, вечер вытягивает на улицы самых замшелых домоседов. Мажутся «Тайгой», гвоздичным маслом, диметилфтолатом – кто чем, и выходят навстречу вечерней прохладе и комарам.

Ходят-бродят по улицам и скверам, спускаются к самой Волге посидеть на бережке. Но нет-нет, да и забежит кто-нибудь сюда, ко мне. Вход бесплатный, почему бы не забежать. Глянут осторожненько стократно усиленным взором в звездное небо, таинственное до жути, и уходят, гордые и довольные, полные тщеславного сознания своего приобщения к тайнам вселенной.

Насмотрелся я на них за восемь-то лет.

Некоторых влечет сюда действительно любознательность, и я никогда не тороплю их уступить место у телескопа очередному. А иные... Хуже всего самонадеянные юнцы, думающие, что они еще помнят кой-какие факты из школьного курса астрономии, и имеющие за плечами пару-тройку ненароком прочитанных брошюр научно-развлекательного характера. Ах, как они пыжались перед своими такими же юными подругами! А те полны гордости за них. А как же иначе, иначе нельзя, ведь он так здорово потряс своей эрудицией этого старикашку, чуть не наповал сразил его несколькими фразами такого рода: «А до самой ближайшей звезды ужас как далеко! Миллион лет будешь лететь – все равно не до-

летишь!» В том, что я для них старик, сомнений нет. Для таких вот птенчиков любой человек, которому перевалило за тридцать, уже глубокий старик. Знаю, сам таким был... Ну а в категорию стариков – по их разумению, конечно, – я перекочевал уже шесть лет назад.

Этим я никаких вопросов не задаю.

Неплохие посетители – пожилые люди. С ними большей частью отдыхаешь. Они ахают, восторгаются – совершенно искренне! – задают массу порой даже не бессмысленных, хоть и наивных вопросов. Им приятно рассказывать, и тут обычно выдаешь на сверхпопулярном уровне самый сенсационный и потрясающий воображение материал. Прощаясь, они горячо благодарят, обещают прийти сюда еще раз. Я совершенно уверен, им этот вечер доставляет немало пищи для всевозможных пересудов и разговоров, и долгое время они потом вспоминают, как ходили смотреть Луну и звезды. Некоторые спустя неделю-другую приходят снова и еще на приступочках у входа под купол громогласно объявляют, что они-де уже бывали здесь. «Вы нас не помните?» Они чувствуют себя на этот раз под куполом легко и свободно, и уважительно, хотя с некоторой долей фамильярности стараются погладить трубу или станину телескопа. Я становлюсь для них добрым старым знакомым, иногда меня удоставляют чести быть поверенным их маленьких семейных проблем и тайн. Но редко кто из этих «старых добрых знакомых», хотя бы из простой вежливости, спросит, как меня зо-

вут... И к ним у меня нет никаких вопросов.

Есть еще одни посетители, пожалуй, наихудшие из всех. Глядя на них, я готов терпеть даже «эрудированных» юнцов и хихикающих юниц... Бывают же люди, для которых губительно само сознание, что они чего-то могут не знать! Снисходительность, с которой они принимают мои объяснения, делая вид, что им это все давным-давно известно, бесит меня. Исключительно ради собственного удовольствия, своего рода маленькая месть, я начинаю пороть ахинею. Они, естественно, ничего не замечают, всезнающее выражение не сходит с их лиц, и головы мерно кивают в знак одобрения – молодец, мол, правильно говоришь... К этим я тоже не пристаю.

Но стоит появиться другим... О, их я распознаю сразу! И если они приходят в компании, я прилагаю все силы, чтобы поговорить с ними без свидетелей. В большинстве своем это веселый народ моего возраста, иногда старше, но не намного. Звездами и небом они почти не интересуются, так, постольку-поскольку. Их, как и тех, кого я жду, интересует другое. Они почти квалифицированно расспрашивают об устройстве телескопа и поворотного купола, о способах шлифовки линз и варке стекла для них, спрашивают, везде ли в обсерваториях подвижной пол, и о многом другом, столь же мало относящемся непосредственно к небесным делам. Вот тогда я настораживаюсь еще больше, начинаю приглядываться к их лицам, заглядываю в глаза и, улучив мо-

мент, говорю:

– Вы никогда не обращали внимания вон на ту звездочку?..

Они появились у меня под куполом вдвоем. Он и она. Только что отсюда ушла большая группа, судя по их разговорам и поведению, сослуживцев, отправившихся в очередной культурный поход. В прошлом месяце местком организовал им, конечно, театр с заезжими знаменитостями, в этом – лекцию в планетарии и прогулку по небу, сочетание, так сказать, приятного с полезным; стало быть, вероятная программа будущего – коллективный просмотр нового заграничного кинофильма с последующим обсуждением в рабочее, свободное от работы время... Шумная компания. Устаешь сильно от них...

Они пришли посмотреть небо, сказал, поздоровавшись, мужчина. Женщина молчала, равнодушно глядя прямо перед собой.

Я навел телескоп на Луну.

Картинка была великолепной. Луна недавно прошла первую четверть и стояла высоко над горизонтом. Ветер стих часов с шести, воздух был спокоен, а это довольно редко случается в наших местах. Пыль улеглась. Даже на пятисотке изображение почти не дрожало и не размывалось.

Они по очереди сели в кресло перед телескопом, сначала она, потом он; посмотрели, не выказывая, однако, осо-

бенного восторга, Потом он спросил о разрешающей способности нашего инструмента. Я охотно ответил, наладилась небольшая беседа. Иногда приятно поговорить с человеком, который разбирается в таких вещах. Он разобрался. Потом он попросил разрешения самому посмотреть Луну. Не могу объяснить, почему я нарушил правила и показал ему, как пользоваться микрометрическими винтами. Может, потому, что он мне показался знающим тонкие приборы человеком, а может быть, просто подействовали его вежливые слова. Говорил он с каким-то легким, едва заметным акцентом, который так живо напомнил мне Прибалтику, где я отдыхал минувшим летом... Словом. я разрешил... Впрочем, микрометрическими винтами может пользоваться и ребенок, штука простая.

Прильнув к окуляру, он крутил ручки винтов. Я отошел в сторону, к столу, и рассеянно следил за его движениями, насколько позволял тусклый свет настольной лампы у меня за спиной. Женщина стояла вполоборота чуть впереди меня, как раз в прямоугольнике пронзительно-белого лунного света, падавшего через раздвижную щель купола. Освещенная таким двойным светом, она стояла молча, и, скосив глаза, я мог видеть правую половину ее лица. Не помню, что именно привлекло меня, не в моих привычках разглядывать посетительниц, их столько проходит за вечер... А тут я принялся рассматривать ее, благо лицо мое находилось в тени.

Женщина как женщина, но что-то в ней было такое... ну,

необычно, что ли. При дневном свете она была, вероятно, даже красива. Ладная, подтянутая фигура, спокойная, уверенная манера держаться. Привлекательная женщина.

Сейчас я склоняюсь к мысли, что ее необычность забивается днем ярким светом, и тогда она выглядит как все вокруг. Но в полумраке, что был разлит под куполом, женщину осветила Луна. И как в театре под лучом прожектора ярче и рельефней вырисовываются нужные режиссеру черты героя, так и здесь эта необычность вдруг выступила наружу, а мне посчастливилось заметить ее, ощутить ее присутствие, еще не зная даже, в чем же она, собственно, заключается. Сколько я ни всматривался, ничего такого необычного заметить не мог, лишь все больше и больше убеждался в его присутствии.

Она, видимо, почувствовала мой взгляд и, как бы закрываясь от него, подняла руку к лицу, поправила прическу. На миг из-под пышных волос показалось ухо, и внутренне я встрепенулся.

Понимаете, я был в тот момент настороже, ловя все странное, необычное. В другое время я, как и любой другой, ровным счетом ничего бы не заметил, но, повторяю, я был наготове. Вдобавок у нас, астрономов, очень развито чувство линии – ну-ка, попробуйте как можно точнее передать на рисунке прихотливо изогнутый край облака на Юпитере, промелькнувший на мгновение перед вами в телескопе!.. Кроме того, я немного рисую.

Так вот, в линии ее уха я уловил то самое, необычное... Безусловно, я понимаю, что очертания ушной раковины, как и рисунок узоров на подушечках пальцев, строго индивидуальны.

Все это так, но все же...

Ухватившись за такую, признаюсь, поначалу весьма неопределенную, призрачную необычность, я искал ее подтверждения в лице женщины.

И нашел.

Форма носа, губ, разрез глаз – все носило отпечаток необычности; одна и та же причудливая, непривычно-странная линия была во всех ее чертах.

Потом, много позже, я пробовал передать эту необычность словами. Писал, зачеркивал, мучился, искал нужные, точные слова, но не находил. Ничего у меня не получалось. Даже сам себе не мог объяснить, в чем же она заключалась.

Я пытался рисовать по памяти ее лицо – напрасный труд! Передо мной на бумаге появлялся облик красивой женщины, чем-то даже похожей на ту, но не больше. А если вдруг я пытался мелкими, почти незаметными штришками придать ее лицу замеченную мной тогда ту самую необычность, оно становилось злым, карикатурным; совершенно терялось даже то отдаленное сходство, сначала вроде бы верно мной переданное. Я раздраженно рвал лист, и на целый день у меня портилось настроение.

...Я вздохнул и переступил с ноги на ногу. Женщина бро-

сила на меня быстрый взгляд и подошла к своему спутнику, положила ему руку на плечо. Тот, почувствовав прикосновение, оторвался от окуляра и повернулся к ней. Черт!.. Я чуть было не присвистнул. Теперь и в его лице я видел ту же необычность.

Он поднялся и отодвинул кресло. Любопытство обуяло меня. Решив задержать их подольше, я торопливо сказал:

– А вы не хотели бы посмотреть на звезды или планеты? Сейчас уже вышел Сатурн. Очень интересное зрелище!

Мужчина вопросительно посмотрел на нее.

– Нет-нет, – я впервые услышал ее голос с точно таким же акцентом, как у него. – Уже поздно, мы пойдем.

Я шагнул вперед:

– Что вы, еще нет и одиннадцати. Взгляните! – Я показал на звезды, блестевшие в прорези купола. – А как они красивы в телескопе!

– Красивы? – переспросила она. И, слегка вздохнув, добавила еле слышно: – Да, конечно. Даже слишком.

– Совершенно с вами не согласен! – запротестовал я, пытаясь все же удержать их. – Что вы, красота никогда не бывает «слишком», а ведь тут не что-нибудь – звезды!

– Ах, оставьте. – Кажется, она начала сердиться, удивляясь, видимо, моей назойливости. – Спасибо, я уже достаточно насмотрелась на них!

– Вот как? Так, быть может, мы с вами коллеги? – преувеличенно радостно удивился я. – Очень, очень приятно!

Мужчина, до той поры не вмешивавшийся в наш разговор, вдруг рассмеялся:

– Коллеги? Да, конечно! В некотором роде, да.

– Спасибо, у вас тут действительно все интересно, но нам пора. – Женщина решительно взяла его под руку. – Идем, ты же знаешь, у нас еще масса дел завтра.

– Подождите! – я предпринял последнюю попытку остановить их. – Неужели вам не нравится даже вот эта, самая красивая звезда нашего северного неба?

Я, конечно, покривил душой, но никто не виноват, что в это время в прорезь купола глядел Денеб, а не Вега. Не говорю уже о Сириусе, который, впрочем, летом у нас не виден.

Мужчина невольно взглянул вверх и неожиданно оживился:

– Посмотри, вот, оказывается, какая самая красивая звезда!

Женщина тоже подняла голову. Я подошел к ней вплотную. Она смотрела вовсе не на Денеб, ее взгляд был направлен куда-то в сторону.

– Вы не туда смотрите, – сказал я. – Вот она, яркая звезда. Она называется Денеб.

– Спасибо, – тихо ответила она, не отводя взгляда от какой-то точки чуть в стороне на небосклоне, и чуть грустная улыбка появилась на ее губах. – Но для меня самая красивая звезда не эта. Как вы ее назвали... Денеб?

– А какая же? Может, Вега? Или...

Я расчетливо сделал паузу. И был полностью вознагражден за свой довольно-таки примитивный провокационный ход, заставляющий собеседника заканчивать тобой начатую фразу.

Женщина снова улыбнулась и покачала головой, а ее спутник неожиданно взял меня за локоть:

– Вы хотите увидеть нашу любимую звезду?

Я ничего не ответил. Его странный тон, которым были сказаны эти слова... Я даже начал слегка раскаиваться, что затеял весь этот разговор.

– Скажите, вы никогда не обращали внимания вон на ту звездочку? Вправо и чуть вниз от Денеба. Слабая такая звездочка...

– Шестьдесят Первая Лебедя?

– О! – его брови удивленно скакнули вверх. – Вы ее знаете?

Я пожал плечами и как бы ненароком высвободил локоть.

– Безусловно! Я же астроном.

– Ах да, конечно!.. Только она называется не так.

– А как?

Даже при таком слабом свете я увидел, как изменились его глаза. И выражение лица сразу стало каким-то нежным, задумчивым. А может быть, грустным. Он произнес какое-то слово, и я в недоумении уставился на него.

– Что? Повторите, пожалуйста, я не расслышал.

Он повторил это слово, и опять я не уловил его звуча-

ние. Меня охватило странное чувство бессилия, я попытался вспомнить хотя бы первый звук, которым начиналось слово – но не мог. Я готов был поклясться, что никогда до этого не слышал ничего похожего, а ведь я знаю два языка и могу наверняка отличить по звучанию друг от друга еще десятка полтора.

– Простите, я не понимаю...

– Это ничего, – улыбнулся он в ответ. – Так ее называют у нас.

– Где, «у нас?»

– Там, где мы живем, – и он ткнул пальцем вверх.

– П-простите...

– Что ж тут непонятного, – пожал плечами он. – Мы живем у той звезды, как вы у своего Солнца. Вы – здесь, мы – там.

– Ин-нтересно, оч-чень интересно, – я вполне оправился от шока, вызванного его словами. Ну вот, нашел себе на голову приключение... Все было достаточно неожиданно, но вполне понятно. Разумеется, я слышал, что таким людям противоречить не рекомендуется, и решил вести себя соответствующим образом. У меня в голосе даже появились нотки этакой великосветской вежливости:

– И на чем же вы, извините, прилетели? Где остановились? Если, конечно, не секрет.

Женщина засмеялась, громко и непринужденно.

– Он принимает нас за сумасшедших!

– Я покажу ему что-нибудь, – откликнулся мужчина.

– Что? Его жизнь?

– Да, пожалуй.

Мужчина достал из кармана брюк небольшой металлически поблескивающий предмет. Я принял его за портсигар. Сработал многолетний рефлекс, я уже было раскрыл рот, чтобы предупредить, что под куполом у телескопа курить нельзя. Но мужчина повернул этот предмет ко мне широкой стороной, что-то мягко, но сильно ударило меня по голове. Как-то совершенно непонятно ударило – изнутри.

И в тот же миг передо мной, без всяких на то усилий с моей стороны, – как я понимаю, это длилось несколько минут, – промелькнула вся моя сравнительно долгая жизнь. Ну, не вся, конечно, но самые главные, самые узловые моменты... А до чего все было реально! Такое или похожее, говорят, бывает лишь у утопленников и повешенных в последние секунды перед смертью.

Но я не умер.

А когда очнулся, они стояли у лестницы, готовые уйти.

– До свидания! – женщина помахала мне рукой. – Вы не беспокойтесь, это не вредно. Это просто стимулятор памяти, мы часто сами им пользуемся. Вести записи не всегда удобно, гораздо лучше потом сесть и все вспомнить, и отобрать то, что надо. Извините, что мы смутили ваш покой, только, понимаете, очень трудно ходить среди вас и ни словом, ни жестом не выдать себя. А вы так похожи на нас!..

И вот иногда, правда, очень редко, случается такое стечение обстоятельств, что невозможно удержаться. Вы только не обижайтесь на нас, пожалуйста! Прощайте!

– Погодите! – я хотел броситься к ним, но почувствовал, что не могу тронуться с места. Ноги совсем отказались мне служить. – Подождите, прошу вас!

Они остановились.

А я, как последний идиот, не мог ничего сказать. Никогда не прощу себе этого, никогда!

Голова сделалась абсолютно пустой, осталась одна только мысль, будто слова на закольцованной магнитофонной ленте: «Ведь никто, никогда мне не поверит! Никто и никогда...»

– Вы правы. – Это сказал мужчина. – Вам не поверит никто. За те полтора ваших года, что мы здесь, о нашем присутствии узнали всего несколько человек. И никому из них не верят, мы проверяли.

– Но когда... когда о вас узнают все?

Мужчина, мягко ступая, подошел ко мне и с близкого расстояния посмотрел мне в глаза. Я почувствовал, как мое смятение постепенно пропадает, и порывисто шагнул к нему.

Он медленно покачал головой.

– Как?! Вы...

– Не скоро, еще не скоро. Тем более, не сейчас. Поверьте, нам самим очень жаль... Вы так похожи на нас! Но вы должны понять, вы же лучше нас знаете, что происходит на ва-

шей планете. Мы рассеяны по всей Земле, мы ходим, смотрим. Мы видим... Сейчас мы не вправе вмешиваться в вашу жизнь даже простым своим появлением. Сейчас слишком рано, слишком...

Они ушли.

Зачем они приходили сюда, я не знаю.

Я ничего не знаю.

Может, в их программе изучения Земли было посещение публичной обсерватории, может, они зашли случайно, отдыхая после рабочего дня... Я не знаю.

С тех пор прошло почти два года. Я строго хранил эту тайну. К слову, хранить ее было не так уж и сложно. Прослыть неумным чудаком с навязчивой идеей... Зачем?

А они... может, они оценят мое молчание?

Теперь-то я знаю, что им сказать.

Мне так нужно встретить их еще раз. Так много я хочу рассказать им, о многом расспросить. А потом... потом я обращусь к ним с одной-единственной просьбой. Человек я, в конце концов, маленький, вдобавок одинокий, меня никто не хватится здесь, на Земле...

А время идет.

Но ведь они сказали, что проверяли тех, кто узнал об их существовании!

И вот изо дня в день я все пристальней вглядываюсь в лица посетителей, а у особо подозрительных спрашиваю небрежным тоном:

– Вы никогда не обращали внимания вон на ту звездочку?

Они же сказали, что проверяли тех, кто узнал об их существовании. Значит, они обязательно зайдут сюда еще раз. Конечно, может быть, не те двое, а их товарищи. Но они обязательно зайдут сюда еще раз. Обязательно!..

А если нет?

Тогда...

Скажите, а вы...

**ВЫ НИКОГДА НЕ ОБРАЩАЛИ ВНИМАНИЯ НА ТУ
ЗВЕЗДОЧКУ?**

Обратный ход эволюции

Любые истории, даже самые невероятные, обязательно начинаются с чего-то самого простого, обыденного. Другое дело, что потом нередко бывает трудно понять, с чего именно, и сами участники событий, не говоря уже о посторонних, зачастую не могут прийти к единому мнению, с чего же, собственно, каша заварилась.

Например, директор Института экспериментальной цитологии и генетики, где работает Илья, относил начала нашей истории к тому дню, когда Илья «защитился» и получил лабораторию. А следователь городской прокуратуры в поисках истоков тех событий обратился даже к моменту нашего знакомства. По-моему, он здесь слегка перегнул, ведь с Женькой и Ильей я дружил еще в школе, начиная с пятого или шестого класса... Одним словом, я теперь воочию убедился – сколько людей, столько и мнений.

Я же считаю, что все начиналось так.

...Федор Иннокентьевич подошел к шкафу и принялся разглядывать книги.

Илья – аккуратист, особенно с книгами. Нет, у многих, конечно, в шкафах всегда порядок, но у него они стоят по тщательно продуманной системе. Одно плохо: книги втиснуты настолько плотно, что с большим трудом можно вытащить нужную.

Вот и Федор Иннокентьевич легонько подергал за корешок одну, вторую, потом, видимо, поняв бесполезность своих попыток, взял ту, которая лежала поверх остальных. Она была толстой, большого формата, в глянцевой, синего цвета суперобложке.

Взял – и раскрыл на середине.

Вот с этого-то все и началась.

– Па-рей-азавр, – по складам прочитал Федор Иннокентьевич и прищелкнул языком от восхищения. – Ну и зверюга!.. Вот бы на кого поохотиться!

Нужно сказать, что Федор Иннокентьевич появился среди нас совершенно случайно, и вот каким образом.

В тот день при разговоре со мной шеф был предельно лаконичным. (Между прочим, он считает, что история началась именно с этого нашего разговора.)

Дело сводилась к следующему. Поскольку наша газета не может не осветить областных соревнований по тяжелой атлетике (раз), поскольку наш спортивный обозреватель заболел (два) и, наконец, поскольку других, более или менее свободных сотрудников у него в тот момент под рукой не оказалось (три), мне в обязанность вменялось дать на полколонки репортаж об этом значительном событии в спортивной жизни области. Сам я научный обозреватель, по совместительству пишу также фельетоны на злобу дня и глубоко убежден в том, что легкая атлетика потому так и называется

ся, что ею заниматься намного легче, нежели тяжелой. Шеф о моих взглядах был осведомлен, но он не только умный, но и крайне предусмотрительный человек.

— В науке ты разбираешься, — ободрил он меня, — а штанга, думаю, не сложнее синхрофазотрона, осилишь! Тем более, я дам тебе отличного помощника. Вот, знакомьтесь! — он повернулся и указал на краснощекого широкоплечего мужчину лет сорока, сидевшего несколько поодаль в кресле. Я, когда вошел, как-то не обратил на него внимания. А жаль!

Мой будущий напарник поднялся и, тяжело ступая, переваливаясь, подошел к нам...

Как все гениальное, замысел шефа был предельно прост: спортивный опыт бывшего штангиста, а ныне тренера детской спортивной школы Федора Иннокентьевича Пичугина вкупе с моими литературными талантами должны были произвести нечто вроде шедевра среди спортивных очерков и репортажей. М-да-а, знал бы он, чем все это обернется...

Легонько подталкивая в спины, шеф проводил нас до двери, и лишь в коридоре я сообразил, к чему привела меня покорность судьбе и воле редактора.

У Ильи сегодня день рождения. Он с Женькой, как и все нормальные люди, по субботам отдыхают и перед нашим вечерним сбором, кажется, уже успели провести небольшую репетицию. Теперь они сидели в центральном холле редакции, покуривали и бдительно поглядывали на часы. От них вкусно пахло шашлыком и «Ркацетели». И я нисколь-

ко не сомневался, что свою клятву не допустить моего пребывания в стенах редакции ни на секунду сверх положенного трудовым законодательством времени они выполняют непременно. Эти соревнования, так неожиданно свалившиеся мне на голову, состоятся завтра, и для разговора с Федором Иннокентьевичем мне оставалась сейчас не более десяти минут.

Соломоново решение, как всегда, исходило от Женьки.

– Ничего страшного, – безапелляционно заявил он, когда отведя в сторону, я ознакомил его с положением дел. – Тащи своего тяжеловеса с собой, там обо всем и договоримся. И мне, кстати, давно хочется порасспросить знающего человека, скоро ли Олимпийский комитет включит в программу игр прыжки в ширину.

Итак, все началось с «Палеонтологического атласа».

– Па-рей-азавр, – по складам прочитал Федор Иннокентьевич и прищелкнул языком от восхищения. – Ну и зверюга!... Вот бы на кого поохотиться!

– Да вы не только спортсмен! – оживился Женька. Он сидел на диване и задумчиво наблюдал за нашими с Ильей бесконечными рейсами на кухню и обратно. – Вы, оказывается, еще и охотник!

Федор Иннокентьевич снисходительно улыбнулся.

– Нет, спорту я не изменяю, ведь охота, тоже считается одним из видов спорта. А так-то, вообще, да, охотник. Я, зна-

ете ли, в Сибири вырос, там у нас медведи, лоси – любой пацан с первого класса в тайге ружьишком балуется. Да и сейчас, как еду на соревнования или на сборы, непременно свою тулочку прихватываю. Всяко бывало... – он на минуту задумался, и я испугался – не дай бог, посыплются сейчас на нас охотничьи байки.

– Я, если разобраться, всю страну объездил, – неторопливо продолжал Федор Иннокентьевич. – На Кавказе фазанов бил, в Средней Азии случалось на кабанов ходить, на Тянь-Шане архаров стрелял. А тут утей и гусей разных перебил – счету нет. Жалко вот, за границей никогда не был... Знаете, – вдруг доверительно сказал он и глаза его мечтательно затуманились. – Есть у меня думка – побывать в Африке. Эх, вот где, говорят, зверья! Слоны, носороги, бегемоты, эти, как их там... – он заглянул книгу, – парей-азавры...

Женька на секунду опешил.

– Что?.. Ах, парейазавры... – Женька тоже был охотником, только в своем роде, и здесь, когда добыча сама шла ему в руки, он оплошать никак не мог. – Что вы, Федор Иннокентьевич, парейазавры в Африке не водятся!

– Вот как? А вы это точно знаете?

– Разумеется!

– Что ж, значит, на Амазонке, – уверенно сказал Федор Иннокентьевич. – Я слышал, там тоже полным-полно всякого зверья.

– И там их тоже нет. Они давным-давно вымерли.

– Это как же? – удивился Пичугин.

– А вот так и вымерли! – сказал Женька, незаметно подмигнул мне и развел руками. – Начисто! В результате естественного отбора, в процессе эволюции, так сказать.

– А, эволюция, – уважительно протянул Федор Иннокентьевич. – Дарвин... Как же, помню.

Мой испуг прошел, я с еще большим любопытством стал прислушиваться к разговору. Мы уже перебазировали все необходимое из кухни в комнату и теперь быстренько наводили на столе надлежащий порядок.

– Стало быть, не придется вам поохотиться, – тяжело вздохнул Женька. – Сочувствую, Федор Иннокентьевич, но что делать? Против природы, как говорится, не пойдешь. А кроме всего прочего, при встрече с парейазавром на ружье, даже на вашу верную тулку, надежда плоха. Для такой махины надо, по крайней мере, противотанковое орудие, среднего хотя бы калибра.

– Жаль-жаль! – на лице Федора Иннокентьевича отразилось неподдельное сожаление. Он, видимо, был бы не прочь поохотиться и с сорокапяткой, лишь бы потом иметь возможность похвастать перед приятелями таким редкостным трофеем. – А нельзя их заново вывести? – он посмотрел на Женьку, – В газетах, помню, писали, что зубры тоже вымерли, а теперь вон в Беловежской пуще табунами ходят. Сам видел, – добавил он, вероятно, для большей убедительности.

Стол уже был накрыт, и Женька решил на время закрутиться.

– Должен вас огорчить, дорогой Федор Иннокентьевич, – сказал он, подсаживаясь к столу. – Придется вам обойтись без парейазавров, поскольку машину времени будут изобретать еще пару-тройку тысячелетий. Правда, в иных книгах пишут, что на других планетах их видимо-невидимо, только нам с вами туда не полететь. Это я вам гарантирую как физик.

– Зачем так далеко забираться? – вдруг вмешался Илья. – Вы его не слушайте, Федор Иннокентьевич. Скептик он и циник, я его знаю. Никаких других планет не нужно, Лет через десять я с удовольствием покажу вам что-нибудь в этом роде здесь, на Земле.

Я удивленно посмотрел на Илью. В конце концов и Пичугин может сообразить, что над ним просто смеются. Нехорошо тогда получится.

– Ну, знаешь ли! – до Женьки тоже дошло. – Хватит трепаться. Давайте-ка лучше по рюмочке, и чтоб научных разговорчиков больше ни-ни... – он выразительно помахал пальцем.

– Я вполне серьезно, – нимало не смущаясь, продолжал Илья. – Послушайте... Слово «эволюция» происходит от латинского *evolutio*, и буквально означает «развертывание». А что, если мы...

– Ты не маг и не кудесник, – перебил я его. – Эволюция

не газетный лист, ее не свернешь!

Мне стало ясно, что разговор переходит на другие рельсы. Кто-кто, а Илья зря говорить не будет, но, чтобы он рассказал все или почти все, его надо раззадорить, завести, как говорят, иначе он просто намекнет на что-нибудь очень интересное, а потом быстренько уйдет в сторону, обратит все в шутку.

— Что верно, то верно, — улыбнулся он в ответ. — Я не маг, но биолог, и притом генетик... Так и быть, слушайте. Есть у меня небольшая идея, — благодушно начал Илья. — Популярно излагая, как протекает эволюция... Главная ее причина — мутации. Мутации случайные, не целенаправленные, у природы, как известно, цели нет. Изменения в организме постепенно накапливаются, передаются из поколения в поколение. Иногда они оказываются полезными, и животное еще лучше приспособляется к окружающему миру, но чаще происходит наоборот. Приобретенные особенности не дают положительного эффекта и такие существа исчезают с лица Земли... А если нам пойти назад, вспять, попытаться, как ты, Аркадий, справедливо заметил, свернуть эволюцию?.. Понимаете, все мутации, все эти изменения записаны в организме, каждый из нас «помнит», каким был его предок до миллионного колена. Только память об этом спрятана в нас далеко... Приведу школьный пример: у зародышей млекопитающих на определенной стадии развития закладываются жабры, у них можно найти некоторые признаки реп-

тий. Словом, эмбрион в своем развитии проходит все стадии эволюции предков. В организме записано решительно все, до мельчайших подробностей, надо только уметь читать. И уметь вмешиваться в развитие зародыша, когда это нужно, чтобы получить тот результат, который запланирован...

Мы слушали очень внимательно. Женька протянул:

– Поня-я-тно... Только, кажется, ты что-то об этом уже говорил. Или нет?

Илья кивнул:

– Да, было такое. Ты тогда сетовал на невозможность создания машины времени, а я намекнул на такой вот обходной маневр... Как видите, чтобы полюбоваться на обитателей палеозоя, не обязательно пускаться в путешествие во времени.

Я возмутился.

– Что ж получается?! О таких интересных вещах я узнаю последним! Не ожидал, Илья, ну просто никак не ожидал!

– Не обижайся, – сказал Илья. – Я и Женьке тогда только намекнул. Идея совсем сырая была, неоперившаяся, так сказать.

– А сейчас, значит, эту идею можно выставить на всеобщее обозрение? – спросил Женька и прищурился.

Илья быстро взглянул на напряженно слушавшего Пичугина и неопределенно пожал плечами. Видимо, он уже раскаялся, что затеял этот разговор при постороннем. Но меня такого рода соображение остановить не могло, во мне заговорил журналист, падкий до всего сенсационного.

– Если иметь перед собой черновик книги, – быстренько подхватил я разговор, – то можно восстановить, с чего она начиналась. Ведь зачастую первый и последний варианты отличаются друг от друга, как небо от земли.

– Да-да, пожалуй, – подумав, согласился со мной Илья. – Только у нас вместо книги – ДНК, а вместо фраз – гены... Да, пожалуй, твоя аналогия верна. Но учтите, – он начал отступать, – даже и сейчас это только эскизы, наметки, идеи и ничего больше. Любим мы, братцы, помечтать, мечта, она, говорят, жить помогает... Ну, хватит разговоров, передай-ка мне, Аркаша, лимончик...

На этом все и заглохло. Но от попытки узнать подробности я не отступился. Чувствовал я, что хитрит Илья, и если сейчас не удастся ничего узнать, заводить об этом разговор позже нечего будет и пытаться. Ничего не получится, о своей работе он скажет лишь тогда, когда уже все вокруг будут о ней знать. И случится это, по всей вероятности, ох, как нескоро! Сказал же он, лет через десять. Нет, столько ждать я не хочу... Исходя из таких соображений, я и вернулся некоторое время спустя к прежнему разговору.

– Хорошо, Илья, предположим, мы нашли способ реализовать твою идею, но извини за глупый вопрос: а что мы от этого будем иметь? Динозавров выращивать на мясо, или еще что?

Я знал, чем зацепить. Илья терпеть не может такого деляческого, чисто потребительского отношения к науке. Разу-

меется, он немедленно вспыхнул и обрушился на меня. Разные были слова, приводить их здесь просто не стоит. Но под конец он все же сказал нечто вразумительное:

– Эх ты, писарчук от науки, что ты в ней понимаешь? Скажи ты такое любому, самому захудалому палеонтологу, он не посмотрит, что ты такой здоровяк, откроет окно, и будет твое счастье, если это произойдет не выше третьего этажа!.. Ты думаешь, легко по двум-трем косточкам восстановить облик животного? Ведь никто и никогда – понимаешь, никогда! – не видел живого динозавра! – Тут он задохнулся, закашлял и потянулся за фужером.

Женька примирительно прогудел:

– Ну-ну, не горячись... Ты что, Аркашку не знаешь? Шутит он.

– Пошел он к дьяволу! – огрызнулся Илья. – Не понимать такой простой вещи...

– Ладно. – Я решил бить до конца. – Все это, конечно, интересно...

– Даже так? – язвительно проговорил Илья. Он уже остывал. – Интересно ему, видишь ли... А что ты смыслишь в эволюции? Для тебя предок собаки – волк, это ты заучил еще в школе. А кошка, по твоему разумению, конечно же, произошла от саблезубого тигра. Вот и все твои познания. Разве не так?

Я демонстративно вздохнул и развел руками. Кажется, клюнул он на мою приманку, а мне другого и не надо.

– Вот-вот, только и умеешь, что руками махать да вздыхать, – Илья заговорил своим обычным тоном. – Подумай, разве не интересно взглянуть на прямого предка птиц – археоптерикса?

– Одну минутку! – Женька, я видел, заинтересовался всерьез. – Ты говоришь, узнать предков...

– Да, в том числе и это, – кивнул Илья.

– Об остальном пока говорить не будем, – отмахнулся Женька. – А по поводу предков... Что, другими путями сделать этого нельзя?

– Почему же, можно. Но не для всех, и очень-очень приблизительно.

– Например?

– Ну-у... – Илья на миг задумался. – Есть, например, гипотеза, что китообразные и лошади имели одного предка. Неплохо бы ее проверить, как по-вашему?

Женька молчал. Да и я не знал, что сказать – Илье я верил, но уж очень несовместимые, на мой взгляд, это были понятия: кит и обыкновенная лошадь. Но бравый Федор Иннокентьевич оказался на высоте.

– А змеи? – робко спросил он. – Кто у них предок? Ведь они, змеи, всегда были. – И, подумав, добавил: – Мне дед говорил.

Я чуть было не расхохотался, но вовремя посмотрел на Илью. Удивительное дело, он не только не улыбнулся, он даже слегка смутился!

– Видите ли, Федор Иннокентьевич, – начал он, морщась, – все наши рептилии – разные лягушки, змеи, крокодилы – появились на Земле в их теперешнем виде в юрском периоде, 130—150 миллионов лет назад. Сами понимаете, в таком случае чрезвычайно трудно сказать, кто их прямой предок. Хотелось бы, конечно, но...

В тот вечер больше ничего интересного не произошло.

Мы с Женькой остались у Ильи ночевать, и утром он сам заговорил о вчерашнем. Меня не особенно удивили его слова о том, что он уже проводил кое-какие опыты и довольно успешно... Я-то понял это еще вчера, а Женька не смог спокойно усидеть. Он сам физик-электронщик, работал в одном медицинском НИИ над созданием новых аппаратов, – знаете, разные искусственные печенки-селезенки, – и давно вынашивал думку перейти в институт, где работал Илья. Такие специалисты, как Женька, сейчас везде нужны. Если раньше он только подумывал, то теперь, услышав про такие дела и, главное, увидев такие фотографии... Я, конечно, не специалист, но и на меня вид птицы с зубами в клюве произвел сильное впечатление. Хотя, как говорил Илья, до настоящего археоптерикса этому кошмарному созданию еще далеко, все же каково знать, что похожие на него существа жили много миллионов лет назад!

Словом, решили они с Женькой поставить эксперимент. Видимо, крепко запали в голову Ильи слова Пичугина, что змеи всегда были, а Женьку и убеждать не надо было. На-

сколько я понимаю, техника опыта не сложна. Правда, когда я об этом упомянул, Илья еще раз высказал мне все, что он обо мне думает, но не буду останавливаться на деталях. Что поделаешь, если я понял именно так.

Для подобного эксперимента яйценосящие змеи и птицы даже предпочтительней, ведь приходилось иметь дело с хромосомами ядра яйцеклетки. А так, во-первых, к нему сравнительно легко подобраться и, во-вторых, – кажется, это самое главное, – зародыш будет развиваться вне утробы, в обыкновенном инкубаторе.

...Не знаю, где они достали яйца ужа, но через неделю опыт был заложен. Первый блин комом, говорят. У них таких первых блинов получилось что-то около двухсот, и я почти перестал ждать от всей этой затеи чего-либо путного, хотя первое время с милостивого разрешения директора Института довольно часто навещался туда. Илья категорически запретил давать в печать какую-либо информацию о его работе, но на другие лаборатории его запрет не распространялся и несколько очерков об Институте я поместил в газете. А один опус – не могу не похвалиться – напечатал столичный научно-популярный журнал. И вообще, как принято оправдываться в таких случаях, – текучка заела, и я просмотрел, что делалось у Ильи...

Неделю назад, ровно через год и два месяца с того вечера, срочно, с работы меня вызвал следователь. Даже прислал дежурную машину.

В лаборатории Ильи случился страшный пожар, сгорело полкорпуса, в котором она размещалась. Илью и Женьку увезли в больницу обожженных, и они до сих пор без сознания...

Но разве могли они знать, разве могли даже предполагать, что у обыкновенного, зауряднейшего ужа предком был дракон!

Огнедышащий...

Контакта не будет

К ней готовились почти двадцать лет. Сама дискуссия длилась больше месяца. И сейчас она подходила к концу.

Зал волновался. И на местах, что занимали ведущие ученые планеты, волнение было не меньшим, чем на галереях для журналистов и публики. Заключительное заседание транслировалось не только на всю Землю. Не было, пожалуй, человека в Солнечной системе, который бы не следил за его ходом: на этом заседании Объединенного Комитета по социологическим, культурным и научным вопросам должна была решиться едва ли не самая острая проблема, которая когда-либо вставала перед человечеством в целом – «есть» контакту, или «нет» контакту.

Места для членов правления Комитета пустовали. Все, кто имел право доступа к пульту ЭВМ, находились там.

Люди ждали... Каждый из них, стоял ли он перед пультом ЭВМ, находился ли в зале Заседаний или у себя дома смотрел передачу из этого зала, уже выразил свое отношение к контакту. В течение месяца все доводы «За» и «Против» стекались сюда, в Комитет, со всех сторон. Здесь они суммировались и обобщались и сейчас, сообразуясь с ними, ЭВМ должна была найти то единственно правильное решение, которое бы выражало волю большинства.

Машина была готова к ответу. Она переработала всю ту

массу информации, что обрушилась на нее, и теперь простое нажатие кнопки заставит ее подвести итог этой дискуссии.

Пуск!..

Секунда, другая – и дробно застрекотал печатающий аппарат ЭВМ. Председатель Объединенного Комитета нетерпеливо вырвал из аппарата лист бумаги, быстро пробежал по нему глазами и выражение его лица из напряженно ждущего моментально превратилось в хмурое и разочарованное. Он отступил на шаг и, не оборачиваясь, сунул лист в чьи-то руки. В окружающей его толпе раздался вздох – частично облегчения и радости, частично – обмана надежд. Ведь члены правления, как все люди, имели свои взгляды на эту проблему...

Заключительное слово председатель начал без всякого вступления:

– Я не буду повторять то, что было сказано здесь до меня – вчера, позавчера, месяц назад. Я только могу выразить со своей стороны глубокое сожаление, что наши доводы оказались недостаточно убедительными для большинства из вас. Объединенный Комитет принял Решение... Текст его в ближайшие полчаса будет размножен и вы сможете ознакомиться с ним более подробно. Его суть в том, что развитие цивилизации планеты Гамма должно подчиняться естественным законам, исключающим всякое вмешательство извне. Следовательно, открытого контакта не будет... Пока... Более того, на планете мы оставляем лишь около

пятидесяти наблюдательных пунктов. Наши люди должны быть в кратчайший срок выведены из всех руководящих, культурных и научных центров всех государств Гаммы, куда они смогли проникнуть за те годы, пока мы готовились к контакту. Это необходимо, чтобы своими действиями они не могли влиять на ход развития того общества... Далее, количество наших наблюдателей снижается до шестисот человек, в первую очередь вывозятся сотрудники младше тридцати пяти лет. Непосредственная связь между отдельными наблюдательными пунктами должна быть прервана. Подчиняться они будут особой координирующей группе, находящейся за пределами планеты... Словом, мы должны оставить на Гамме хорошо законспирированную сеть с категорическим запрещением всякого рода миссионерской деятельности.

В Решении также специально указывается на недопустимость в будущем самодеятельных контактов в случае встречи на других планетах разумной жизни, как имело место на Гамме со стороны экипажа звездолета «Орион». Также предполагается выработать специальную «Памятку» на случай неожиданной встречи с представителями иных цивилизаций в последующих экспедициях...

Председатель говорил еще что-то, пытаясь за безликими официальными словами скрыть свое глубочайшее разочарование, но его уже почти никто не слушал. Сторонники контакта угрюмо посматривали по сторонам, затаенно пе-

реживая поражение, а их противники, выйдя победителями в этом жарком споре, громко переговаривались между собой. Они были довольны, а все тонкости Решения можно будет обсудить потом, в более спокойной обстановке.

...Двадцать лет назад «Орион» вернулся на Землю с радостной вестью, что земляне не одиноки во Вселенной. Что из того, если тамошние обитатели отстают от нас на полтора тысячелетия? Зато на вид они ничем не отличаются от нас! Даешь контакт! – и сотни, тысячи добровольцев во главе с историками и социологами инкогнито ринулись на Гамму готовить почву для будущей встречи. Им претил ореол богов и они, растворившись среди местного населения, потихоньку, исподволь занимались просвещением, делали в их науках гениальные открытия, двигали вперед культуру. На планете наступило время, которое впоследствии историки Гаммы, несомненно, назовут эпохой Возрождения. И мечтали добровольцы о том, когда можно будет открыто сказать: «Здравствуйте, люди, мы – с Земли!».

Но Решение Комитета недвусмысленно говорило: не навязывайте другому разуму своей истории, своей науки, своей культуры... Вот подрастут они, возмужают, окрепнут, выйдут из тьмы невежества – но только самостоятельно! – и тогда, пожалуйста, протягивайте им руку.

...Одна из групп сторонников контакта вела себя особенно шумно, что, впрочем, на общем фоне выглядело почти незаметно. В центре зала человек шесть окружили в проходе

одного из ученых и что-то горячо говорили ему, перебивая друг друга. Он молча слушал, заложив руки за спину, и глядел поверх голов куда-то в сторону амфитеатра кресел.

На галерее один из журналистов толкнул в бок своего товарища:

– Эй, посмотри-ка на Бахадура!

– Где?

– Вон там, в центре, в окружении звездолетчиков с «Ориона». Как они на него насели, ты только посмотри!

Второй сказал:

– Переживает...

– Еще бы, самый ярый сторонник контакта, – подхватил первый. – Забавно, о чем он сейчас думает?

Они засмеялись и принялись наблюдать за другими, что были в зале.

А Бахадур вдруг посмотрел на своих собеседников и одним движением руки заставил их замолчать. Потом что-то сказал, они расступились. Быстрой походкой, ни на кого не глядя, Бахадур направился к выходу. Здесь ему уже нечего было делать.

Через час он был у себя дома. Тщательно закрыл за собой дверь кабинета и достал из шкафа небольшой серый ящик. Секунду поколдовал над ним, ящик раскрывшись. Бахадур нажал кнопку на оказавшейся внутри панели с небольшим экраном, подождал. Экран засветился, на нем появилось изображение человека.

– Что ты намерен делать теперь? – спросил он.

Бахадур неопределенно пожал плечами.

– А что нам еще остается делать, – сказал он. – Ты же смотрел передачу. Ты оказался прав...

Человек на экране предупредительно поднял руку:

– Сейчас не время разбираться, кто был прав и почему. Эвакуация начинается сейчас же, ты проследи за ее ходом в своем районе. Словом, действуем так, как и намечали в этом случае.

– Да, – тот, кого на Земле знали под именем Бахадура, опустил голову. – Да... – повторил он тихо, почти про себя. – Никто не возьмет на себя ответственность за контакт с цивилизацией, которая сама не желает его. Что ж, и мы должны поступить так же, как поступили они сами с Гаммой. Мы прекратим всякое вмешательство в ваши дела, в вашу науку и культуру... наших представителей на Земле останется не более двухсот...

Я вернусь

Знакомый двор оставался все таким же – и одновременно был совсем другим. На асфальте появились свежие черные латки-проплешины. Деревья заметно постарели. И кусты сирени вокруг новой беседки как будто бы стали реже. Наверно, нынешней весной по их чащобе прошлись топором и ножовкой.

Я осторожно пересек пустынный в этот час двор и с ходу нырнул в третий от арки подъезд. Из подвала на меня пахнуло плесенью и сыростью. Забытый запах старого, давным-давно обжитого дома заставил меня задержаться на пятчке между лестничными маршами.

Я поднялся на третий этаж и остановился у знакомой двери. Привычным движением вдавил кнопку звонка. Еще и еще раз.

За дверью слышались ровные приближающиеся шаги, звонко щелкнул замок.

На лестничной площадке было темновато, но он узнал меня сразу – и отпрянул назад. Руками он обхватил горло, словно стараясь защититься от чего-то, и смотрел, смотрел на меня во все глаза.

– Здорово, Валек!

Он не ответил, но сейчас я ничего и не ждал от него. Я переступил порог и закрыл за собой дверь. Надо дать ему

время хоть немного прийти в себя. Я нагнулся расшнуровать туфли. Мелко переступая, он отодвигался от меня, пока не наткнулся на стену и не остановился.

– Ну, что стоишь, как пень? Приличия ради, хоть в комнату пригласи, что ли.

От звука моего голоса он вздрогнул, раза два с трудом сглотнул, словно проталкивал что-то твердое, застрявшее в горле. Рук не опустил.

– Но ведь ты... ты же... умер!

Голос его прозвучал сипло и жалко. И сам он был каким-то жалким и беспомощным, маленьким, съежившимся человечком. Я никогда не знал его таким. Суеверным он, конечно, был, но в меру, как большинство из нас, и – своеобразно. В приметы, например, верил, но только счастливые. Никаких там кошек, пятниц и тринадцатых чисел... Все же как сильны в нас пережитки – вот и он, образованный, культурный человек, друг, наконец, а меня боится.

Все мы, без сомнения, материалисты. Мы гордо познаем и объясняем окружающий мир. Но скажите мне, куда все это улетучивается, стоит нам только столкнуться с чем-то, пока не объясненным наукой. Почему в подобных ситуациях наш могучий интеллект с грохотом низвергается по ступенькам тысячелетий?

Вот и он шарахается от меня, будто от прокаженного.

– Ты же... умер! – повторил он.

– Валек, – укоризненно протянул я, – что ты, в самом де-

ле! Приглядишься получше. – И добавил, усмехнувшись, цитату из классика: – «Слухи о моей смерти оказались несколько преувеличенными».

– Я... – он снова громко глотнул и, стремительно повернувшись, бросился в комнату, едва не запутавшись в портюре. Я прошел за ним, сел на диван.

Он лихорадочно рылся в самом дальнем углу массивной тумбы письменного стола, прямо на пол вышвыривал какие-то папки, старые потрепанные тетради, картонные коробочки, сломанные авторучки – весь тот хлам, который накапливается незаметно и царит во всех уголках от одной генеральной чистки до другой.

Ему было ужасно неудобно, он никак не хотел повернуться ко мне спиной, пытаясь одновременно смотреть и на меня, и в стол.

– Брось, Валек! Что ты там потерял? Давай хоть поздороваемся по-настоящему. Сколько лет прошло!

Кажется, он и не понял, что я сказал. Он упорно копался в столе.

Я откинулся на спинку дивана и на миг прикрыл глаза. Мне вдруг стало его нестерпимо жалко. Господи, подумал я, что же я делаю? Зачем весь этот треп? Ведь это же Валек! Валек!.. Я столько лет его не видел!.. Я же мечтал не об этом. Я же мечтал, как приду к нему, как мы обрадуемся друг другу, обнимемся, как будем глядеть друг на друга веселыми и радостными глазами, а потом он засуетится, поста-

вит кофе, кинется открывать заветную бутылочку коньяка, что хранится для особо торжественных случаев на стеллаже за книгами, а кофе обязательно сбежит, и будет много веселого, радостного шума, он примется ругать себя охламоном и растяпой, кричать на всю квартиру, что руки у него не тем концом приделаны, а потом мы сядем на диван, я стану рассказывать, а он будет слушать, ахать и удивляться, и требовать, чтобы я рассказывал еще и еще...

Сзади на его тщательно выутюженных брюках виднелось белое пятно. И рукав мягкой домашней куртки тоже был в известке. Это там, в прихожей, когда он наткнулся на стену.

Ага, наконец он нашел, что искал. Медленно выпрямился, спокойно, чересчур спокойно положил на край стола пакет из плотной черной бумаги – в таких обычно хранят фотографии – и отступил на шаг.

– Вот, – он приглашающе повел рукой, но жест не получился, рука дернулась, словно на ниточке. – Вот, посмотри!

– А что там?

Он не выдержал, схватил пакет, подбежал, сунул его мне в руки и поспешно вернулся на прежнее место у стола. Я пожал плечами, раскрыл пакет.

Там действительно лежали фотографии.

...Все-таки они меня нашли. Гроб не закрыт, видно лицо, значит, нашли сразу. А может... Мне стало страшно. Может... я умер в клинике, в постели?!

Цветы, цветы – много живых цветов. Лето.

И венки. Их ленты аккуратно расправлены знающим свое дело фотографом, можно даже прочесть, от кого. Раз, два, три... ого, двенадцать венков! Гроб стоит, видимо, у подъезда, на табуретках. Одна вроде бы наша, а другая – нет. Таких, на трех ножках, у нас никогда не было. Соседская, что ли?..

Вторая фотография.

Я прикусил губу. Вот почему я ушел от людей, вот зачем забрался в ту глушь!

Они здесь, они все стоят рядом. Самые близкие, самые родные мне люди. Милые мои!..

Никогда я не был на похоронах близких. Бабушку похоронили без меня. Тогда, еще малыш, я лежал в больнице с воспалением легких, а отца я вообще не помню. Но, думаю, это очень мучительно – похороны.

Одно дело знать, что близкий тебе человек умер, другое – видеть его мертвым и потом вспоминать не живого – мертвого!.. Нет, я хотел остаться в их памяти таким, каким они видели меня каждый день: живым и полным сил, а не холодным трупом.

Я знаю, по ту сторону для меня ничего не будет, ни-че-го, даже тьмы. А что останется им? Зеленый холмик за ажурной оградкой, надпись с двумя датами, да фотография на памятнике; или же смутная, основанная на чуде надежда, не разума – сердца – что, быть может, я жив, что, быть может, я где-то есть?.. По-моему, лучше второе.

И вот, не удалось. Не удалось... Какими они были, мои по-

следние часы? Хватал ли я кровоточащими обрывками легких влажный, напоенный волшебными запахами воздух леса, или безвкусный, отдающий резиной кислород, рвущийся из шланга? Кто мне скажет? Может, он?

Я взял себя в руки.

– Валентин, где я умер?

В его глазах я не мог прочесть ничего, кроме смятения и затаенного ужаса.

– Валентин, – повторил я. – Где и когда я умер?

– Но ты жив, – вымученно сказал, скорее прошептал он.

– Хорошо, – я понял, что так от него ничего не добьюсь. – Скажи, как умер он, – и показал на фотографии. Они лежали стопкой рядом со мной на диване, я посмотрел лишь две верхние. Этого достаточно, чтобы понять, что изображено на остальных.

– Тебя... его нашли пограничники. Уже... таким...

Ну что ж, значит, не удалось. Не удалось... Вот так, и тут уж ничего не поделаешь. Пустые, напрасные хлопоты.

Славку только зря подвел. Ему, наверное, досталось из-за меня. Помню, как он хлопотал, чтобы мне отвели отдельную палату, как по десять раз на день, бодрый и неестественно шумный, заходил меня проведать и самолично колол мне какую-то гадость. Вот тогда-то я и понял, что, как говорится, за мной пришли...

Друзья на то и друзья, чтобы не лгать в серьезную минуту, даже если они врачи. Дружба сильнее. Когда я покрепче

прижал Славку, он глаза не прятал, только виновато смотрел на меня.

«Месяц, от силы — два»...

И обжалованию не подлежит.

Он сделал для меня все, что мог сделать. И, кроме всего прочего, отпустил умирать домой, снабдив запасами морфия. Уж наркоманом я стать не боялся. Просто не успел бы, он это прекрасно знал.

А я сбежал.

Сколько помню, меня всегда тянуло на Сахалин. Тайком от всех я созвонился с Сережей, двоюродным братом, он мне мигом организовал пропуск. А я даже не зашел к нему там, в Южно-Сахалинске. Ужасно боялся, что по моему виду он все сразу поймет, и поэтому прямо с самолета поехал на железнодорожный вокзал.

— Валентин!

— Что?

Я шел сюда, надеясь хоть на час вернуть то доброе время нашего полного духовного единства, полной нашей слитности, когда фразу, начатую одним, подхватывал тут же другой, когда сами слова нам казались лишними — мы ведь мыслили в унисон.

Что за времена были! Вот здесь, в этой самой комнате, мы с ним брели в потемках ядерной физики, поддерживая друг друга, подсаживая друг друга на новые и новые ступеньки, а перед нами маячили, сияли блистательные открытия,

но только никто на свете не знал, где же это перед нами: прямо ли нам идти, назад ли, вправо, или, может, влево, а мы шли и шли, и путь у нас с пим был один, общий.

Только не вернуть то время. Нет, не вернуть!

...А он вроде бы стал успокаиваться. Пододвинул стул, сел.

Эти фотографии... Теперь я понимаю его. Понимаю тот панический ужас, которым он меня встретил.

Я старался пропасть для них для всех без вести, а получилось, что умер.

Но как же нам с тобой объясниться?

Эти фотографии... Они смяли, спутали в плотный клубок все заранее приготовленные слова, я совсем не знал, с чего начать.

– Валек, ты не оставил еще надежды на быстрое и легальное обогащение?

– То есть? – он недоуменно посмотрел на меня.

– Ну, все покупаешь с каждой полочки лотерейные билеты?

– А-а! – протянул он и, усмехнувшись, махнул рукой. – Нет, как защитил докторскую – бросил. Поумнел, наверно. – И вдруг, подавшись вперед, без всякого перехода спросил: – Слушай, а это действительно ты? Не врешь, а?

Столько страстной надежды было в его голосе, что мне стало почти физически больно. Все им давно уже было пережито и выстрадано, давно наступило примирение с мыс-

лью о моем небытии, и только осколком волшебного зеркала сказочных троллей где-то около сердца давала знать черненькая мыслишка о своем таком же небытии, потому что все действия в мире человек прежде всего, может быть, даже подсознательно, примеряет к себе, к своему «я».

А мир вдруг перевернулся. Устои треснули, а законы природы отменены. Покойники оживают, солнце встает на западе, луна рассыпалась на золотые дублоны, морские свинки рожают носорогов, а деревья стадами пасутся среди ледников...

Сумасшедшая, страстная надежда мелькала в его глазах, он уже примерял к себе мое появление.

– Валек! – я встал с дивана и протянул ему руки. – Валек, – сказал я снова.

Он тоже встал, неуверенно и шатко, робко улыбнулся и нерешительно шагнул мне навстречу. В два шага я оказался около него.

...Мы сидели рядом на диване, все было гораздо проще и прозаичнее. Без кофе, без театральных вскриков и нелепых всплескиваний рук. Он говорил, говорил без конца, инстинктивно не касаясь ничего более, кроме работы. О прошлогоднем симпозиуме в Цюрихе, о предстоящем симпозиуме в Дубне, о намечающейся экспедиции на Памир, о том, что наша с ним монография, которую он заканчивал уже один, выдвинута на Государственную премию. Я почти не вслушивался в его слова, машинально кивал, в нужных

местах улыбался и покачивал головой. Потом сказал:

– Послушай...

Он испуганно замолк посреди фразы, словно споткнулся на бегу и с размаха прикусил язык.

– Послушай...

– Что?

– Н-нет, ничего.

Он не понял меня, вскочил и подбежал к телефону.

– Я сейчас, я мигом!

– Ты что хочешь?

– Как, «что»? Позвонить к тебе домой, конечно. А потом и в институт...

– Валек! – крикнул я.

– Что я, не понимаю? – отмахнулся он. – Я остороженько, я ж понимаю! Хотя... – он вдруг замялся, рука его задержалась на телефонной трубке. – Впрочем, как знаешь, – скороговоркой сказал он. – Тебе виднее. Действительно, может, ты сам...

– А что такое? Что-нибудь с... моими?

Он молчал.

– Ты можешь сказать толком, что случилось?

Он отошел от стола и сел, виновато опустив голову.

– Понимаешь, – забормотал он. – Понимаешь, я совсем как-то... Вера Федоровна... ну, в общем, уже давно, четыре года почти. В общем... сердце, понимаешь... Через год... после тебя... Ровно через год, почти день в день. И похоро-

нили рядом... с тобой...

– Та-ак, – я перевел дыхание и сильно, до боли, провел ладонью по лицу.

Вот ведь как получается. Мать с сыном рядышком, за одной оградкой. Только сын-то здесь, а она – там...

Я поднял голову, посмотрел на него и вдруг понял, что это еще не все. Я слишком хорошо его знал. Мягкий, деликатнейший человек, за свою жизнь он не обидел и муравья, и скорее положил бы палец под топор, чем сказал бы что-то неприятное кому-то. И сейчас неблагодарная роль вестника несчастий по-настоящему заставляла его страдать. Его корежило и передергивало от сознания, что именно его слова причинили и еще причинят боль другому.

– Н-ну! – сказал я и сам поразился, до чего откровенно грубо это было сказано. – Н-ну, что еще?!

– «Еще», «еще»! – вдруг заорал он и снова вскочил, и, размахивая руками, принялся быстро ходить, почти бегать взад и вперед по комнате. – Что ты от меня хочешь? Что ты из меня жилы тянешь? Ванька я тебе, что ли?! Да, вышла она замуж, да! А ты что хотел? Ты же умер, понимаешь? Умер! – Он остановился передо мной, пригнулся и закричал, надсаживаясь, мне в лицо: – Умер!! Все! Умер и похоронен! Я сам тебя хоронил! Сам, вот этими самыми руками, понимаешь?! – Он протягивал мне руки, тряс ими перед моими глазами и кричал, кричал...

Я заставлял себя отключиться, не думать ни о чем.

...А он все кричал и кричал, пока не поперхнулся собственным криком и не закашлялся тяжело, с хрипом, на глазах багровея, и ухватился руками за горло. Потом выбежал из комнаты, и мне было слышно, как на кухне он, не переставая кашлять, брякал чашками, или какой-то другой посудой, как потом на полную мощь открыл водопроводный кран. Трубы гудели и визжали на все лады.

А вот диван остался все таким же. Удобный и уютный. Но все же и он заново обтянут пестренькой декоративной тканью. И кончиками пальцев я ощущаю ее приятную шероховатость...

Я не заметил, как он вошел в комнату. Просто умолк дикий визг труб и, когда я поднял голову, он стоял рядом. Волосы и куртка впереди были мокрые, от него отчетливо пахло валерьянкой.

– Сядь, Валя, – попросил я.

Он осторожно сел. Я чувствовал его решимость молчать и молча ждать моих объяснений.

– Валек, я хотел бы сразу попросить тебя об одном. Понимаешь, никому не надо знать, что я... жив. Что я здесь. Ты понимаешь меня?

Он молчал.

– Никто не должен знать, ни один человек, – повторил я.

– А я, значит, могу, – тихо сказал он, то ли утверждая, то ли спрашивая.

– Да, ты можешь. Ты один, – подчеркнул я.

– Я не знаю, кто ты и что тебе надо. Я не знаю, откуда ты пришел и куда уйдешь. – Он говорил медленно, размеренно, даже равнодушно. Голос его, как и лицо, не выражал ничего, кроме, разве что, громадной усталости. – По обличию ты тот, кого я знал и кого похоронил. Но ты не он. В чудеса я не верю. Ты можешь быть просто удивительно похож на него, но тогда это страшное, противоестественное сходство. Даже близнецы не могут так походить друг на друга. И тем омерзительнее выглядит твоя шутка, этот фарс, эта гнусная попытка выдать себя за другого. А если ты тот, за кого себя выдаешь... Ты не человек. Ты не можешь быть человеком. Чудес не бывает. Ты можешь быть призраком, фантомом, зомби – сейчас это не имеет ни малейшего значения. А в Иисуса Христа я не играю. И я хочу сейчас только одного – уходи. Или уйду я.

– Ну что ты, Валек! При чем тут зомби, при чем тут какие-то призраки?

Я положил руку ему на плечо. Он медленно и равнодушно отстранился.

– Не надо, – сказал он. – Я не хочу тебя видеть. Уходи.

– Зачем ты так? Ты же ничего не знаешь...

– Да, – согласился он. – Я ничего не знаю. И, понимаешь, даже знать не хочу.

– Валек, выслушай же меня!

Он покачал головой.

– Я прошу тебя! Только выслушай и, раз ты так хочешь, я

уйду. Тебе нужны доказательства, что я тот самый, а не кто-нибудь другой? Так спроси меня о чем хочешь!

Он недовольно поморщился.

– Хочешь, я перескажу тебе все наши совместные работы? Или про институт. Хочешь? Ты помнишь, как на третьем курсе мы с тобой увлеклись физикой плазмы? У Эвальда Рудольфовича на кафедре, дяди Эвы, как мы его называли между собой. И вдруг по нашим расчетам получилось, что существование всех звезд оказалось невозможным из-за их неустойчивости. А потом выяснилось, что мы неправильно в одном уравнении раскрыли неопределенность. Валек, а ты помнишь Люду Зарилову? Помнишь, а? И ее подружку, Ларису Парамонову, в которую был влюблен я. В каком это было классе? В седьмом? В восьмом?.. Валек! Ну, спроси же меня о чем-нибудь!

Он повернулся ко мне и внимательно посмотрел прямо в глаза.

– Проверка? – Он усмехнулся. – Тест на соответствие. Популярная передача «Спрашивают – отвечаем». Какая любимая шутка преподавателя электротехники, почему на выпускном экзамене по физике ты чуть не срезался и как мы прозвали нашу классную даму... Чепуха! – он неприятно осклабился. – А вот где мои часы, подарок тетушки к шестнадцатилетию? Ну, быстро!

– По официальной версии, для тетушки, сняты в парке несколькими неизвестными. На самом деле – загнаны офи-

циантке в кафе «Спорт». Так? За червонец, – торопливо добавил я.

– Так, – неохотно согласился он. – Но все равно это ничего не меняет.

– Меняет, Валек, еще как меняет! Ты ведь уже не сомневаешься, что я – это и есть я! Не кто-нибудь, а я!.. Ты думаешь, я зря спросил тебя про лотерейные билеты? Нет! Я играл в такую лотерею! И выиграл. Плевать мне на того, кто выиграл сто тысяч по троллейбусному билету! Билет на самолет принес мне, умирающему, выигрыш небывалой ценности – бессмертие!.. Валек, – я наклонился к нему и сказал почти шепотом: – Валек, я встретил Пришельцев...

Он поверил. Я видел это по его лицу, чувствовал по тому, как осторожно, словно боясь потревожить кого-то, он перевел дух. Он принял мои слова мгновенно и бесповоротно – они ведь объясняли все. То, что случилось со мной, для него уже не было чем-то сверхъестественным. Были просто Пришельцы из Космоса.

Наука заставляла нас верить в существование тысяч иных планет, фантастика заставляла верить в их могущественных обитателей, а мы не противились. Наоборот, мы с замиранием сердца ждали их, ждали сегодня, завтра, через год; ждали все время с той поры, когда впервые до нас дошли простые, но дивно кружащие голову слова: «Пришельцы из Космоса!» И, включая радиоприемник или телевизор, мы в любой момент готовы были услышать: «Внимание... работают

все радиостанции... Передаем сообщение... о первом в истории человечества контакте с представителями внеземной цивилизации...»

Шли годы, все затаенней становилось ожидание; казалось, верх брала взрослая рассудительность, прочно подкрепленная доводами теории вероятности. Но мысль – а вдруг! – была сильнее рассудительности и доводов любой теории, потому что в мысли этой была и мечта, и вера, и надежда.

– Расскажи! – он смотрел на меня требовательно и серьезно. – Откуда они? Кто?

– Ну вот, – я облегченно откинулся на спинку дивана. Я увидел перед собой моего прежнего Валентина и позволил себе чуть-чуть пошутить: – Ну вот, тебя, оказывается, больше занимают «маленькие зеленые человечки», нежели я!

– Что за глупости! – недовольно отмахнулся он, не принимая шутки. – Я ужасно рад за тебя, ты представить не можешь, как я рад за тебя! И тебе рад. Но... если ты расскажешь о них, значит, расскажешь и о себе. Разве не так?

– Так, Валек! Конечно, так!

– Ну, так что ты? Ну, рассказывай!

– Сейчас, сейчас...

Я смотрел на него и думал. Что мне рассказать? С чего начать?

Как бродил по сахалинским дебрям, задыхаясь на каждом шагу? Как спотыкался о мшистые кочки, резал руки острыми краями полутораметровых трав и, поскользнувшись,

падал вниз лицом в мягкую, податливую, душистую землю и лежал подолгу, не в силах не то чтобы подняться, но даже достать шприц для новой живительной порции морфия? Или как, в конце концов, заблудился и, забыв, зачем пришел сюда, стал нелепо, бессмысленно, словно слепой кутенок, суетиться, бросаться в растерянности из стороны в сторону?..

– Как ты меня назвал – «зомби»? А, Валек?

Он сконфуженно улыбнулся и махнул рукой.

– Да брось ты! Мало ли я чего сказал. Ты меня так ошарашил своим появлением, что и вспомнить стыдно. Теперь-то я вижу! Ничего в тебе фантомного, так сказать, нет. И призрачного тоже. Самый обыкновенный человек! – Он радостно засмеялся и от избытка чувств легонько хлопнул меня по плечу. – Самый обыкновенный человек!

– Нет, Валек.

– Что «нет»? – не понял он.

– Нет, Валек, я не человек.

– Вот что! – он сердито посмотрел на меня. – Кончай придуриваться! Вижу, каким ты был великим путаником, таким и остался. Давай по порядку... Значит, так. На Сахалине ты встретил Пришельцев – как встретил, расскажешь потом. Они тебя вылечили, а пограничникам, которые напали на твой след, в целях маскировки подбросили искусно сработанный макет, муляж, как там его назвать. Тебя изучили, кое-что показали и отправили зондировать почву для будущего контакта. Ты сейчас вроде посредника, парламен-

тера... – Он пошевелил пальцами, подыскивая подходящее слово, и вдруг довольно хмыкнул: – Связующее звено, а? Верно?

– Почти. – Я улыбнулся, стараясь изо всех сил, чтобы улыбка не получилась снисходительной, обидной. Сразу видно в нем ученого, аналитика. Я знал его с третьего класса, уже тогда у него появлялось такое же стремление все разложить по полочкам. – Ты угадал, меня подобрали Пришельцы. Но не лечили, нет.

– Ну, знаешь! – он развел руками. – С тобой не соскучишься! Чего жмешься? Выкладывай!

– Все не так просто, Валек. Зомби... Я как-то не думал об этом. Мертвец из африканских сказок, оживленный волшебством, но лишенный души... А меня дважды оживляли, Валек. – Я помолчал. – Помнишь книгу Филиппа Блайберга, человека с пересаженным сердцем? – Он кивнул. – В частности, то место, где профессор Бернارد показывает ему его же собственное заспиртованное сердце. Я напомним, вот послушай: «Мы с профессором Бернардом сидели на койке и с холодным профессиональным интересом рассматривали его...

Профессор Бернارد посмотрел на меня и сказал шутя:

– Доктор Блайберг, вы понимаете, что вы первый в истории человек, который может вот так сидеть и разглядывать собственное мертвое сердце?..»

А я, Валек, видел собственное мертвое тело. Блайбергу было легче. Он был подготовлен к этому, вдобавок сам ме-

дик. А я... могу тебе сказать – это страшно. Так страшно, что хотелось выть и кусаться, и бежать куда-нибудь без оглядки. Они, Пришельцы, к этому привычные, а для меня...

Я говорил и смотрел на него – как он сидел, привалившись к спинке дивана, скрестив руки на груди, слушая внимательно и серьезно, и только по давнишней привычке морщил лоб. Я вызывал из долговременной памяти картинки прошлого и просто рассказывал их, не растекаясь по деталям.

...После первого воскрешения мне было не до своего прежнего тела. Да, впрочем, я тогда и не догадывался, что можно говорить вот так: мое прежнее тело, мое нынешнее тело... Раньше всего – я был жив! Я был здоров! Одним этим можно было упиваться в бесконечном блаженстве с утра до вечера и с вечера до утра. Ходить, дышать, разговаривать, мыслить, спокойно ложиться спать и спокойно просыпаться после спокойного сна, и не носить в себе грозного, неумолимого зверя, беспрестанно, ежесекундно пожирающего твою плоть! А тут еще и Пришельцы... Меня словно бросили внутрь калейдоскопа, и каждое мое движение, каждая попытка оглядеться рождали бесчисленное множество захватывающих впечатлений.

А второй раз я погиб на Венере. По собственной дурости. Едва-едва начал привыкать к своим новым возможностям и решил, что мне уже ничего не страшно и все дозволено. Захотелось мне – так, из пустого любопытства заглянуть в кратер действующего вулкана, и я самонадеянно ре-

шил пролететь прямо над ним. До той поры вулкан мирно дремал, истекая газами, никаких признаков близкой опасности я не видел. Но он как будто подкараулил и швырнул в меня серию своих вулканических бомб. Сбил меня влет, как вальдшнепа на вечерней зорьке. С высоты почти трех сотен метров я упал на внешний склон и катился по нему еще, наверное, столько же.

И опять Пришельцы воскресили меня. Нет, они не лечили, не истязали мое тело скальпелями, иглами и зондами, а воссоздали заново.

Пришельцы практически бессмертны. Их наука регенерации вот уже на протяжении многих десятков тысяч лет может воссоздавать точнейшие копии организмов буквально из ничего – достаточно, чтобы от него сохранилась мизерная часть, хоть небольшой кусочек органики. Но обязательно – мозг. Пусть поврежденный, но мозг. Иначе после регенерации получится просто взрослый младенец.

И вот, когда клетки старого тела изнашиваются, Пришельцы с легкостью, как мы шьем костюм в ателье, меняют его на новое, сохраняя, разумеется, полностью интеллект, память, все свои привычки и внешность – все свое «я». И вдобавок наделяют новые тела такими возможностями и способностями... Они могут летать без всяких аппаратов, правда, на короткие расстояния, не больше трехсот километров, прекрасно обходятся без воздуха, переносят громадный диапазон давления и температуры. Я, например, был на поверх-

ности Венеры без скафандра...

В детстве, катаясь на коньках, я сломал ногу. Открытый перелом – неприятная штука, на всю жизнь у меня остался шрам на голени. И что интересно, мое новое тело украсилось таким же шрамом и на том же самом месте. Помню, меня больше всего поразило именно это, а не мысль, что я уже не человек. У нас, на Земле, таких существ, чисто умозрительно, конечно, называют киборгами...

– Значит, ты... – Валеk смотрел на меня расширившимися от удивления глазами, словно человек, которому сказали, что красивенькая стекляшка у него в руках на самом деле уникальный бриллиант «Великий Могол» или, допустим, «Кох-и-Нор».

– Да, – я кивнул. – Но плата за это соответствующая. На Земле мне жить нельзя. Меня, как сам понимаешь, уже вычеркнули из всех списков. Только вот так, как сейчас, тайком и не очень долго, чтобы случайно себя не выдать. Я еще совсем неопытный конспиратор.

– Киборг, – он произнес это слово медленно, почти по слогам, вроде бы осматривая его со всех сторон, пробуя, прикладывая его ко мне. – Ты – кибернетический организм, – он покачал головой.

– К этому надо привыкнуть – вот и все. – Я – есть я, и чувствую себя самим собой. Ну, разве что могу несравненно больше, чем... – я остановился, потому что увидел, что он не слушает меня.

– Черт возьми, ну и здорово же! – Он заговорил, мечтательно глядя куда-то вдаль, сквозь стены своей квартиры, и чувствовалось, что он видит сейчас простодушно и восторженно великолепнейшие картины братания двух миров, народные ликования с факельными шествиями, салют из ста двадцати восьми орудий и алую ковровую дорожку на серых бетонных плитах, ведущую к трибунам.

– Валек! – я потормошил его за плечо. – Валек, не увлекайся. Ничего этого не будет. Ура-романтизм хорош только в мечтах, на деле с ним можно наломать таких дров!.. Контакта, в том смысле, что ты понимаешь, не будет.

– Ты что? Ты... серьезно?! – Он даже привстал.

– Серьезней некуда. Они, Валек, уже без малого столетие как ходят по Земле. Наблюдают, анализируют...

– Чего они ждут? – перебил меня Валентин.

В возбуждении он сорвался с места и снова принялся мерить комнату из угла в угол. Размахивая руками, он не спрашивал, он требовал ответа:

– Как это понимать? Почему они не придут к нам прямо и открыто? Не скажут, что они здесь, среди нас?! Почему они не сделали это сразу? Или они боятся нас? Или мы их интересуем только как объект для наблюдений? Или... Да что же ты молчишь? Скажи, почему?

Он остановился передо мной, не в силах сдерживать негодование и обиду:

– Ну, скажи, объясни, в чем дело?

– Валентин! – как можно тверже сказал я и посмотрел ему прямо в глаза. Он, послушный моей воле, вдруг обмяк, сник, добрался, волоча ноги, до стула и сел, закрыв глаза. Потом поднял руки, словно загораживаясь от меня. Мысленно я снял с него напряжение. Он пришел в себя, опустил руки и криво улыбнулся, глядя куда-то в сторону полуоткрытыми глазами.

– Черт, ну и денек!.. А с гипнозом у тебя здорово получается. Прямо мозги прочистил. – Он испытующе посмотрел на меня. – Это они тебя научили?

Ну что ж, пора, наверно, и показать кое-что.

Я сосредоточился.

«ЕСЛИ НЕ ВОЗРАЖАЕШЬ, Я ПОКАЖУ ТЕБЕ ЧТО-НИБУДЬ».

Глаза его, устремленные на меня, вдруг потухли, он как бы обратил их внутрь себя, где раздавался этот странный, лишенный интонации и тембра голос. Я помню, какое впечатление эта штука произвела на меня в первый раз.

– Что это? – прошептал он.

«ТЕЛЕПАТИЯ, ВАЛЕК».

– Правда?

«КАК СЛЫШИШЬ. ВПРОЧЕМ, НЕВЕРНО, ТЫ НЕ СЛЫШИШЬ, ТЫ ВОСПРИНИМАЕШЬ МОЮ ТЕЛЕПАТЕМУ».

– А что еще? Что еще ты можешь?

Изволь, я покажу тебе и нечто другое. Телепатия – дет-

ские игрушки, забавный пустячок, вызывающий у тебя жгучий интерес своей скандальной популярностью. А что ты скажешь сейчас?

Я огляделся, подошел к торшеру, выдернул вилку из розетки и, щелкнув выключателем, взялся двумя руками за ее контактные стерженьки...

Надо было видеть его лицо в тот момент, когда торшерная лампочка вдруг загорелась. Сначала вполнакала, потом все ярче и ярче, пока, наконец, не вспыхнула ярким, пронзительным светом и не перегорела, рассыпав спиральку искрами.

Но и это, мой друг, тоже всего лишь пустячки.

– Смотри!

Я подошел к окну. Мой палец легко прошел сквозь стекло, оставив аккуратное круглое отверстие.

– Смотри!!

Карандаш, взятый с письменного стола, воспламенился в моей руке. Пламя, бледное в свете дня, мгновенно охватило его целиком. Не осталось ничего, кроме пепла. Даже грифеля. Держа пепел на ладони, я посмотрел на Валентина.

Можно не продолжать, он уже все понял сам.

– Это ужасно! – Он содрогнулся. – Ужасно! Они правы, они тысячу раз правы! Ведь если это попадет к нам в руки...

– То-то и оно! – я стряхнул пепел в цветочный горшок и снова сел на диван. – Все, Валеk, просто, как апельсин. Они высадились на Земле в девятьсот четвертом... Они видели

первую и вторую мировую. Хлор и иприт, танки и дредноуты, автоматы и реактивная артиллерия, ковровые бомбежки и «оружие возмездия»... Как ты думаешь, этого достаточно, чтобы проникнуться уважением к нашей цивилизации? Так ведь нет, потом были напалм и «эйч-бамб», баллистические ракеты и нервно-паралитические ОВ. На пороге лазеры и лучевое оружие, в самой ближайшей перспективе – управляемые землетрясения и разверзнутые хляби небесные... Ничего себе букетик, приятно глянуть!.. Ты скажешь: мир разделен на две противоборствующие системы. Правильно, старое всегда враждебно к новому. Одни вооружаются – другие, чтобы защититься, вынуждены делать то же самое. А в итоге – разум треть своих усилий, а то и больше, я не знаю, тратит на уничтожение себе подобных. Хорошая рекомендация для Галактики, не правда ли, Валеk?.. Вот и суди сам. Знания Пришельцев не принесут сейчас людям ничего, кроме несчастья. Всему свое время... Заметь, я не обладаю и десятой частью их чисто физических возможностей, да что там – сотой частью! – я еще учусь, но поверь, я один смог бы, наверное, превратить Землю в безжизненную пустыню.

Он судорожно сжал ладонями виски и несколько секунд сидел неподвижно. Потом поднял глаза и с надеждой посмотрел на меня:

– Но могут же они, не передавая ничего опасного для нас, просто объявиться?

– Зачем?

– Н-ну... хотя бы для одного того, чтобы показать нам, что мы не одиноки во Вселенной... И потом, почему обязательно оружие? Ведь можно найти какие-то нейтральные области: космогонию, астрофизику, биологию, наконец! Да то *же* самое бессмертие!

Я усмехнулся.

– Хорошо. Допустим, нашли мы эти нейтральные области. Если нашли... Потому что космогония и астрофизика сведутся к гравитационным бомбам, а земные биологи, кстати, и так уже поговаривают о генетическом оружии. А скажи мне, какое правительство откажется от бессмертных солдат, особенно, если учесть нынешнюю ситуацию на Земле?

– А если они, не открываясь, просто помогут нам?

– В чем? Как?

– Ведь мы и сами не сидим сложа руки! Так пусть помогут покончить со всем этим... со всеми нашими бедами, с войнами, голодом, болезнями, невежеством... – он вдруг осекся, взглянув на меня.

– Нет! – коротко сказал я.

Он не произнес ни слова, только смотрел на меня требовательным взглядом. Он ждал продолжения и я сказал:

– Тайком? Нет, Валек. Я уже не говорю об этической стороне дела. Да, собственно, любая попытка такого рода была бы совершенно безрезультатна, если не явно вредна. Для того, о чем ты говоришь, необходимо за считанные годы изменить психологию людей, что не под силу даже Пришель-

цам с их видимым могуществом. Весь этот процесс в руках самих людей. Он тяжел, труден, связан с большими издержками, но он же идет! Пусть медленно, пусть не всегда так, как нам хочется, но – идет!.. Понимаешь, каждый, кем бы он ни был, должен понять простую истину, что человек человеку – друг, товарищ и брат. И только когда она органически войдет в кровь людей, когда никому и в голову не придет, что можно думать иначе, тогда перед Землей распахнется дверь в новый, необъятный мир. Наступит время полетов к звездам, время встреч и сотрудничества различных цивилизаций. Ты понимаешь меня?

Наши глаза встретились и я удивился, как могут несколько часов изменить человека.

– Я понимаю, – тихо и грустно сказал он. – И еще я понимаю, что мне не увидеть Пришельцев.

– Как знать, – я пожал плечами. – Тебе не так уж много лет. А это зависит от всех вас, от человечества в целом и от каждого человека в отдельности. В том числе и от тебя...

Я замолчал и прислушался. Потом ответил далекому невидимому собеседнику и встал. Валентин понял и тоже поднялся. Я положил ему руку на плечо.

– Прощай, Валек! Пора, меня зовут... Прощай, дружище, не поминай лихом и помни, что будет на Земле праздник. Двойной праздник! Ведь первый день, когда на Земле станут немыслимы войны, когда прекратится вражда, будет днем встречи наших цивилизаций. Тогда вернусь и я... Прощай

и помни, что приблизить этот день зависит только от вас,
людей планеты Земля.

Всего одна таблетка

– Попробуй, парень, не пожалеешь! – плечистый мужчина со смуглым лицом фамиллярно хлопнул его по плечу. – Двадцать восемь долларов на бочку – и в твоём распоряжении все сто двадцать четыре удовольствия... Берешь? Молодец! Знай лишь, соблюдай меру – только таблетку в один прием – и все будет в порядке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.